

За кулисами жизни и сцены

Леонид БРОНЕВОЙ:

«В трудные годы играл в домино. На деньги»

— Почему вы так настойчиво избегали этой беседы?

— Во-первых, я не люблю беседовать на непонятные мне темы. Во-вторых, я вообще последнее время уклоняюсь от интервью и с радио, и с телевидением, и с прессой.

— Почему?

— Ну, начнем с «во-первых». Название вашей рубрики «За кулисами жизни и сцены» звучит довольно-таки зловеще. Если за кулисами сцены идет насыщенная, творческая жизнь, там рождаются спектакли, то, что может быть за кулисами жизни? Это какая-то клиника, фантазмагория! Хотя мне, может быть, и привелось побывать там. Но об этом после.

— Вы согласны, что у жизни есть парадная и своя, человеческая, закулисная сторона? Мы именно ее имеем в виду, ну а что во-вторых?

— Интервью всегда носит элемент саморазведения, стриптиза. Я не люблю этим заниматься. А кто охоч — кругом этого более чем достаточно, хотя в прямом смысле больше, чем в переносном.

Наверное, не хватает и какого-то положительного энергетического поля. Мне безумно трудно выходить сейчас на так называемые творческие встречи со зрителями: я не знаю, что им сказать. Большинство выступавших, либо рьяно ругают прошлое, или деловито поносят настоящее. Иные — задорно сыплют анекдотами, строя из себя счастливых весельчаков. Но глубокого разговора со зрителем, как, например, в интервью Иосифа Кобзона, я давно не встречал.

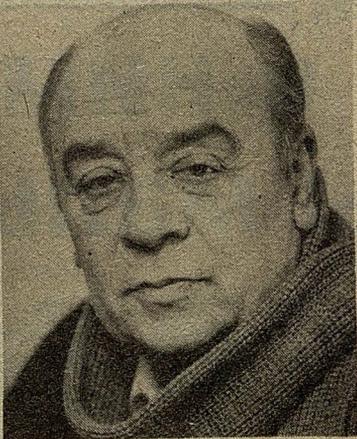
— А что вы хотели рассказать по поводу вашего понимания «за кулисами жизни»?

— Там я провел достаточно времени. Все тот же пресловутый преступный 37-й год. Репрессия отца. Так я поспал за кулисы жизни.

— А потом?

— Мама, спасая меня, посоветовала податься в артисты, хотя в семье у нас никто не служил Мельпомене, актерская профессия позволяла менять театры, переезжать из города в город.

Леонида Сергеевича Бронегово, любимого народного артиста СССР, нельзя спутать ни с кем. Пока мы ходили с ним по дорожкам старинного московского сквера, прохаживаясь и улыбаясь ему. Более 200 ролей в театрах, кино и на телевидении. Около 45 лет жизни беззаветно отдано искусству.

— И какова ваша театральная география?

— Окончил Ташкентский театральный институт. Работал в Магнитогорске, Оренбурге, Грозном. Опять учеба, но уже в Москве. Потом работа в Воронеже. С 1962 года стал москвичом. Театр имени Пушкина. И четверть века работал в Театре на Малой Бронной.

— А теперь?

— Уже шесть лет — в «Ленкоме», у Марка Анатольевича Захарова.

— Его отличительная черта?

— Человечность.

— А талант?

— Иначе бы в «Ленкоме» я не работал.

— По традиции расскажите про нештатную ситуацию на сцене.

— Шел 1956 год. Небольшой город. Мы играем «Кремлевские курранты» Н. Погодина. У меня роль Сталина. По ходу действия Ильич говорит: «Попросите Иосифа Виссарионовича зайти ко мне». Я, ко-

нечно, в гриме, ахожу. И вдруг слышу треск — как автоматно-пулеметные очереди. Я опешил. Оказалось, это зал (при появлении «вождя» встал (откидные кресла были деревянные — вот откуда стрельба), и затем «долгие, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию». И так на каждом спектакле. Я уже научился выдерживать калачовскую пятиминутную паузу. И вот очередной спектакль. Я выхожу, привычно жду овацию... Тишина. Я растерялся, думаю: может быть, грим отвалился?... Тишина... Пробормотал текст и чуть живой выполз со сцены. За кулисами постановщик Владимир Михайлович Тиханович успокаивает меня: «Понимаешь, какое дело: сегодня целевой просмотр — актив города в зале. А утром им какое-то закрытое письмо про культ личности зачитывали».

— Что любите в Москве?

— Все. Особенно бульвары. И эта любовь выстраданная. И не только потому, что много лет проработал рядом и сам живу на бульварном кольце, но и потому, что в трудные годы молодости на родном Тверском играл в домино. Да. На деньги. Чтобы купить четырехлетней дочке бутылку молока.

— Вы счастливы?

— Я не хочу гневить Бога, но расскажу вам один анекдот: «Человек, доведенный до отчаяния, бросается на колени и взывает к Богу: «О, Боже, за что на меня такие напасти: построил дачу — сгорела, машину купил — украл, с работы чуть не уволили! Боже, ну за что?» Разверзаются небеса, сверху свешивается кудлатая борода: «Ну, не люблю я тебя, не люблю!»

Когда мы прощались с Леонидом Сергеевичем и он своей красивой походкой переходил широкую шумную улицу, я вспомнил, что так и не спросил его про роль Мюллера в «Семнадцати мгновениях весны». Но «Мюллер», как всегда, был уже недосыгаем.

Беседу вел
Александр УШАРОВ.